

*С. В. Куцепал,
доктор философских наук, профессор,
Полтавский юридический институт
Национального университета
«Юридическая академия Украины
им. Ярослава Мудрого»*

ЧЕЛОВЕК XXI СТОЛЕТИЯ: ПОТРЕБЛЕНИЕ VERSUS ПРОИЗВОДСТВО

Минувший век приподнес человечеству избыток производства, который, в свою очередь, породил новый тип человека – идеального потребителя, его жизнь проходит во вселенной товаров и услуг, которые постоянно воспроизводятся. Потребление превращается в открытую и динамичную структуру, товары преследуют нас повсюду – в рекламных буклетах, в ярких витринах, в навязываемых с помощью средств масс-медиа брендах известных и (не очень) торговых марок. Оно исполняет великую миссию освобождения, поскольку спасает человека от оков социальной зависимости, ускоряет процессы ассимиляции и отчуждения, порождает индивидов, не способных принимать однозначные решения, – результатом всего этого становится появление максимальной индивидуализации.

Повседневность превращается в театр, на сцене которого с ошеломляющим успехом идет бенефис Моды. Как писал Ж. Бодрийяр, «мода занимает необычайно привилегированное положение, оттого что мир в ней полностью разрешается. Ускорение чистой дифференциальной игры означающих выступает в ней феерически ярко – феерическое головокружение от утраты всякой референции» [1, с. 169]. В сценической палитре Моды выделяются два вида знаков, с помощью которых происходит воздействие на зрителя. Ж. Бодрийяр одни из них называет «легкими» знаками, сфера действий которых – одежда, тело, быт, а другие – «тяжелыми» знаками, сферами проявления последних объявляются политика, мораль, экономика, наука, сексуальность.

Происходит очередная переоценка ценностей, человек, в который уже раз, попадает за грань Добра и Зла, ведь сферу отдыха и удовольствий проказница мода превратила в доминирующую, отдав труду роль второго плана, реальностью становится «наслаждение призрачно-циклическим миром форм, отошедших в

прошлое, но вновь и вновь воскресающих в виде эффективных знаков» [1, с. 171].

А на сцене антропологического театра XXI ст. появляется новый персонаж – процесс персонализации – «глобальная стратегия, всеобщее изменение в условиях и желаниях общества» [2, с. 21]. Персонализация воплощается в жизнь разнообразными способами и механизмами, но доминирующим, по мнению Ж. Липовецки, является обольщение, пронизывающее все уровни современного общества – от политики и до частной жизни.

Обольщение повсюду, оно стремится регулировать потребление, устройство социума, информационную сферу, образование, мораль, право. Обольщение организует современный мир, изменяет его в соответствии с систематическим процессом персонализации, который стремится максимально увеличить и разнообразить возможности выбора в жизни «без категорических императивов». «Обольщение – это логика, которая пробивает себе дорогу, которая больше ничего не щадит и при этом осуществляет постепенную, толерантную социализацию, цель которой – персонализировать и психологизировать человека» [2, с. 40].

Усилия обольщения и персонализация дают свои плоды – появляется новый тип человека – Нарцисс, замурованный в собственной стеклянной капсуле, поэтому второе его имя – Cool-человек. «Cool-человек не является ни пессимистическим декадентом Ницше, ни угнетенным тружеником Маркса; он, скорее, напоминает телезрителя, пытающегося “прогнать” одну за другой вечерние программы; потребителя, наполняющего свою кошелку, отпускника, колеблющегося между пребыванием на испанских пляжах и жизнью в кемпинге на Корсике» [2, с. 68]. Cool-человек не имеет твердых убеждений, его взгляды изменчивы – такая мечта бюрократа от власти или от науки.

Современный человек независим, прекрасно информирован, способен разумно распоряжаться своей жизнью, но при этом, сядя за руль автомобиля, он никогда не забудет пристегнуть ремень безопасности. Нарцисса абсолютно не привлекает метафизическая скорбь, потому ницшеанское откровение о смерти Бога и необходимости переоценки ценностей совершенно не волнует его, не порождает нигилизма и отчаяния, ему просто нет до этого дела. «Постмодернистская свобода положила конец беспечности, ангажированности или нигилистической распушенности; *непринужденность* положила конец аскетической

скованности. Отделяя желание от коллективного воздействия, вызывая приток энергии, остужая энтузиазм и возмущение, охватывающее общество, система предлагает *разрядку*, эмоциональную передышку» [2, с. 62].

Нарцисс не способен чувствовать и волноваться, наказанием за что становятся для него духовное опустошение, отсутствие каких-либо страстей, невозможность ощутить себя «на седьмом небе».

Человек XXI в. больше не ощущает благоговейного трепета перед временем, он просто не успевает понять и оценить уходящее, что теряет в постоянном круговороте потребления, очарованный и обольщенный теми возможностями и перспективами, которые предлагает ему современный уровень развития технологий, своеобразный постМефистофель, внушающий человеку уверенность в могуществе, но взамен забирающий душу.

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.

2. Липовецки, Ж. Эра пустоты : очерки современного индивидуализма / Ж. Липовецки. – СПб. : Владимир Даль, 2001. – 331 с.